

Abayev Saken
Врач

КОЛХОЗНИК

18+

Ardabayev Saken

Врач колхозник

<https://litres.ru/74437343>

SelfPub; 2026

Аннотация

Врач подает в запой и в него вселяется попаданец . который переворачивает не только его жизнь но и жизнь всех

Ardabayev Saken

Врач колхозник

Пролог

Смерть пришла без предупреждения. Доктор медицинских наук Сергей Павлович Воронов прожил восемьдесят два года. За его плечами были тысячи операций, десятки учеников, научные статьи и государственные награды. Последние годы он уже не оперировал, работал консультантом и всё чаще ловил себя на мысли, что медицина стала другой. В тот вечер он задержался в больнице допоздна. На столе лежала история болезни мальчика восьми лет. Диагноз поставили неверно. Сергей Павлович заметил это сразу. Он взял ручку, сделал несколько пометок и вдруг почувствовал резкую боль в груди. Будто кто-то ударил его тяжёлым молотом прямо в сердце. Он попытался подняться, но ноги не слушались. Мир качнулся, потолок поплыл перед глазами, а затем всё исчезло. Когда он снова открыл глаза, вокруг не было ничего. Ни стен, ни потолка, ни земли под ногами. Только серый туман, уходящий во все стороны... Он действительно умер. Но смерть почему-то решила, что его история ещё не закончена. А где-то за окном уже просыпалась станица, мычали коровы, гремели вёдра у колодцев, собирались на работу механизаторы и доярки, спешили в школу дети. Никто из них ещё не знал, что сельский врач Василий Ковалёв вчера

едва не умер после тяжёлого приступа, а проснулся сегодня совсем другим человеком. Человеком, прожившим долгую жизнь, видевшим расцвет и упадок страны, развитие медицины на десятилетия вперёд и знавшим то, о чём в мае 1986 года большинство людей даже не догадывалось. За окном начинался новый день. Для Василия Ковалёва обычный. Для Сергея Павловича Воронова вторая жизнь. И пока он ещё не понимал, зачем судьба вернула его назад, но уже чувствовал, что покоя ему не дадут. Ни люди. Ни прошлое. Ни собственные ошибки, которые теперь неожиданно получили второй шанс на исправление.

Глава 1

Смерть пришла без предупреждения. Доктор медицинских наук Сергей Павлович Воронов прожил восемьдесят два года. За его плечами были тысячи операций, десятки учеников, научные статьи и государственные награды. Последние годы он уже не оперировал, работал консультантом и всё чаще ловил себя на мысли, что медицина стала другой. В тот вечер он задержался в больнице допоздна. На столе лежала история болезни мальчика восьми лет. Диагноз поставили неверно. Сергей Павлович заметил это сразу. Он взял ручку, сделал несколько пометок и вдруг почувствовал резкую боль в груди. Будто кто-то ударил его тяжёлым молотом прямо в сердце. Он попытался подняться, но ноги не слушались. Мир качнулся, потолок поплыл перед глазами, а затем всё исчезло. Когда он снова открыл глаза, вокруг не было ни-

чего. Ни стен, ни потолка, ни земли под ногами. Только серый туман, уходящий во все стороны. Сергей Павлович стоял посреди этой бесконечной пустоты и никак не мог понять, что происходит. Внезапно из тумана вышел человек в старом костюме. Его лицо казалось самым обычным, но взгляд был настолько тяжёлым, что хотелось отвернуться. Ну вот и прибыли, произнёс незнакомец. Где я? Между. Между чем? Между жизнью и тем, что идёт после неё. Сергей Павлович долго смотрел на него. Значит, я умер? Да. И что теперь? Незнакомец открыл толстую папку и принялся перелистывать страницы. Вообще-то вас должны были принять. Должны были? Да. Но возникли сложности. Какие ещё сложности? За свою жизнь вы спасли две тысячи четыреста тридцать одного человека. Никогда не считал. Мы считаем. И что в этом плохого? Вы спасали тела, Сергей Павлович. Но почти не занимались людьми. Воронов нахмурился. Я врач. Именно. Ваш сын погиб, пока вы были на конференции. Это был несчастный случай. Ваша жена последние годы жила рядом с вами как соседка. Я работал. Вы помните фамилии интернов двадцатилетней давности, но забывали дни рождения собственных детей. Сергей Павлович промолчал. Формально вы хороший человек, продолжил незнакомец. Но главное так и не поняли. И что же теперь? Теперь назад. В своё тело? Нет. Почему? Его уже хоронят. Сергей Павлович почувствовал неприятный холод. Тогда куда? В другое тело. Я не согласен. Ваше мнение рассмотрено. И? Отклонено. Туман вокруг на-

чал вращаться. Куда меня отправляют? Краснодарский край. Май тысяча девятьсот восемьдесят шестого года. Что?! Станица Новотроицкая. Участковая больница. Сельский врач. Тридцать четыре года. Женат. Двое детей. Зарплата сто сорок рублей. Это какой-то бред! Возможно. Но другого варианта нет. Мир взорвался ослепительным светом. Первым вернулся запах. Йод. Спирт. Лекарства. Старое дерево. Затем пришла боль. Голова раскалывалась так, словно по ней несколько раз ударили кувалдой. Сергей Павлович открыл глаза и увидел побелённый известью потолок. На стене висел портрет генерального секретаря. Рядом громко тикали часы. За окном кричал петух. Василий ! Очнулся! Над ним склонилась полная женщина в белом халате. Где я? хрипло спросил он. В больнице, где же ещё? В какой больнице? Женщина удивлённо посмотрела на него. В нашей. Участковой. Сергей Павлович медленно повернул голову. На стене висел календарь. Май 1986 года. Он моргнул. Потом ещё раз. Дата не изменилась. Этого не может быть... Что не может? насторожилась женщина. Он не ответил. Вместо этого посмотрел на свои руки. Они были молодыми. Без старческих пятен. Без дрожи. Без вздувшихся вен. Он резко сел на кровати и едва не застонал от головокружения. Рядом стояло небольшое зеркало. Сергей Павлович схватил его и замер. На него смотрел совершенно незнакомый мужчина лет тридцати пяти. Тёмные волосы, загорелое лицо, крепкая шея. Никаких следов прожитых восьмидесяти двух лет. В этот момент память

ударил его второй волной. Чужая память. Василий Петрович Ковалёв. Участковый врач. Краснодарский край. Жена Людмила. Сын Сашка десяти лет. Дочь Катя шести лет. Дом возле больницы. Старенький мотоцикл. Вечные проблемы с лекарствами. Недостроенный сарай во дворе. Долги соседу за кирпич. Картины мелькали одна за другой. Сергей Павлович зажмурился. Когда он снова открыл глаза, всё осталось на месте. Календарь. Портрет. Петухи за окном. Молодые руки. Чужая жизнь. И тогда он окончательно понял. Он действительно умер. Но смерть почему-то решила, что его история ещё не закончена. А где-то за окном уже просыпалась станица, мычали коровы, гремели вёдра у колодцев, собирались на работу механизаторы и доярки, спешили в школу дети. Никто из них ещё не знал, что сельский врач Василий Ковалёв вчера едва не умер после тяжёлого приступа, а проснулся сегодня совсем другим человеком. Человеком, прожившим долгую жизнь, видевшим расцвет и упадок страны, развитие медицины на десятилетия вперёд и знавшим то, о чём в мае 1986 года большинство людей даже не догадывалось. За окном начинался новый день. Для Василия Ковалёва обычный. Для Сергея Павловича Воронова вторая жизнь. И пока он ещё не понимал, зачем судьба вернула его назад, но уже чувствовал, что покоя ему не дадут. Ни люди. Ни прошлое. Ни собственные ошибки, которые теперь неожиданно получили второй шанс на исправление.

Глава 2

В голове крутилась только одна мысль: почему именно сельский врач? Ладно, Краснодарский край ещё можно понять. Тепло, фрукты, море относительно недалеко. Ладно, жена и дети с этим тоже можно смириться. Не самый плохой вариант для второй жизни. Но почему сельский врач? Я медленно опустил ноги на пол и оглядел кабинет. Старый письменный стол, облезлый шкаф с медицинскими справочниками, потрескавшаяся краска на стенах. Типичная советская больница. Всё это было непривычно, но не вызывало особого удивления. После путешествия из собственной смерти в 1986 год удивляться мебели было как-то поздно. Мой взгляд случайно упал на подоконник. Там стояло не меньше десятка пустых бутылок. Я нахмурился. Поднялся, подошёл ближе и взял одну из них. Агдам, прочитал я вслух. Рядом стояла ещё одна. Талас. Ещё несколько бутылок были без этикеток, но происхождение их содержимого сомнений не вызывало. Я медленно поставил бутылку обратно. Ого... В памяти тут же всплыли обрывки чужой жизни. Василий Ковалёв после смены. Василий Ковалёв после тяжёлого вызова. Василий Ковалёв после конфликта с женой. Василий Ковалёв после полочки. Василий Ковалёв просто потому, что наступил вечер. Каждый раз рядом появлялась бутылка. Иногда одна. Иногда две. Иногда больше. Я тяжело вздохнул. Так-так-так... Картина становилась всё яснее. Сельский врач. Маленькая зарплата. Вечная нехватка лекарств. Бесконечные вызовы. И в качестве единственного средства борьбы со стрессом ал-

коголь. Я снова посмотрел на батарею пустых бутылок. Так значит, дружище, ты у нас любитель Бахуса... Память услужливо подкинула очередной эпизод. Нет. Не любитель. Профессионал. Я поморщился. Чёрт возьми... Так я ещё и алкоголик. От этой мысли стало особенно неприятно. Одно дело получить молодое тело. Другое получить молодое тело с набором чужих проблем. И почему-то мне казалось, что алкоголизм будет далеко не самой большой из них. Я ещё раз оглядел подоконник и вдруг почувствовал лёгкую дрожь в руках. Не мою. Тела. Организм требовал привычную дозу спиртного. Ну нет, дружок, пробормотал я. Со мной этот номер не пройдёт. Впрочем, говорить было легко. А вот тело думало иначе. Во рту пересохло. Голова ныла. В желудке стояла неприятная тяжесть. Похоже, вчерашний день у Василия Петровича закончился очередным запоем. Я подошёл к графину и налил себе стакан воды. Выпил залпом. Потом второй. Стало немного легче. В дверь осторожно постучали. Васили, можно? В кабинет заглянула та самая медсестра. Заходите. Она вошла и внимательно посмотрела на меня. Вы как? Живой. Ну и слава богу. По её лицу было видно, что она не слишком уверена в собственных словах. Что вчера случилось? Она замялась. Вы не помните? Помню плохо. Женщина тяжело вздохнула. После смены выпили. Понятно. Потом ещё выпили. Уже хуже. Потом поехали на вызов. Со всем плохо. А когда вернулись, упали прямо возле крыльца больницы. Я закрыл глаза. Картина вырисовывалась всё яр-

че. И часто такое бывает? Медсестра отвела взгляд. Вот это движение сказало больше любых слов. Часто, значит. Васили, вы врач хороший, тихо сказала она. Люди вас любят. Но с этим делом завязывать надо. Она кивнула в сторону подоконника. А то добром не кончится. Я невольно усмехнулся. Если бы она только знала, чем уже закончилось. Постараюсь. Медсестра вдруг удивлённо подняла брови. Что? Обычно вы на такие разговоры ругаться начинаете. Видимо, головой сильно ударился. Она рассмеялась. Это точно. В этот момент в коридоре послышался топот. Дверь распахнулась. В кабинет влетел худой паренёк лет пятнадцати. Василий Петрович! Беда! Какая ещё беда? На тракторной бригаде Мишку намотало! Медсестра побледнела. Господи... Живой? спросил я. Не знаю! Крови много! Парень тяжело дышал после бега. Я почувствовал, как внутри меня мгновенно проснулся тот самый хирург, который десятки лет работал в операционных. Похмелье. Попаданство. Чужое тело. Все вопросы исчезли. Осталась только работа. Где он? Возле мастерских! Я схватил лежавший на столе медицинский саквояж. Нина, со мной. Сейчас! Мы выбежали из больницы. Яркое майское солнце ударило в глаза. Впереди раскинулась станица. Пыльные улицы. Белёные дома. Зелёные сады. Люди, спешащие по своим делам. СССР. 1986 год. Моя новая жизнь продолжалась меньше часа. А первый пациент уже ждал.

Глава 3

Взяв с собой медсестру, я прыгнул в УАЗик, и мы поеха-

ли к гаражу. Машина тряслась на ухабах, гул двигателя перебивал мысли, а за окном медленно тянулись серые построй- ки и пыльная дорога, будто всё вокруг специально замедля- лось, чтобы дать мне время передумать. Медсестра сидела рядом, молча, только иногда поправляла ремешок сумки на коленях. Я краем глаза видел, как она смотрит вперёд спо- койно, но настороженно, будто чувствует, что это не просто обычный вызов, а что-то, от чего потом не отмахнёшься. Да- леко ещё? наконец спросила она. Я не сразу ответил. Гараж был уже близко, за поворотом старых сараев, где обычно ни- кто не задерживается дольше минуты. Но в этот раз всё каза- лось тяжелее, будто сам воздух стал плотнее. Почти приеха- ли, сказал я, не отрывая взгляда от дороги. УАЗик дёрнулся на кочке, и нас качнуло в сторону. Внутри пахло бензином и старым металлом. Где-то впереди уже виднелась линия га- ражей ржавые ворота, перекошенные крыши, тёмные щели между строениями. Я сбросил скорость и свернул к нужному ряду. Сердце неприятно стукнуло не быстро, а тяжело, как будто предупреждая. УАЗик медленно катился вдоль ряда гаражей, пока я искал нужный номер. Металл ворот поблёс- кивал тускло, будто покрытый старой пылью и чужими ру- ками. Внутри всё было слишком тихо для такого места ни собак, ни голосов, только редкие капли воды где-то в глуби- не дворов. Медсестра слегка наклонилась вперёд, прищури- лась. Это здесь? тихо спросила она. Я кивнул, но не сразу за- глушил двигатель. Несколько секунд просто сидел, слушая,

как мотор урчит на холостых оборотах, будто пытается удержать нас от выхода наружу. Потом всё же выключил зажигание. Тишина ударила резко, почти физически. Я вышел первым, хлопнул дверью. Металл отозвался глухим эхом между гаражами. Медсестра вышла следом, поправила халат, огляделась. Странное место... сказала она. Здесь тихо, ответил я. Это и плохо, и хорошо. Мы подошли к воротам. Замок был старый, но не выглядел случайным кто-то его недавно трогал. Я провёл рукой по холодному металлу, задержал пальцы на скобе. Внутри что-то будто шевельнулось не звук, не движение, скорее ощущение, что пространство по ту сторону ворот уже знает, что мы пришли. Я посмотрел на медсестру. Готова? Она не ответила сразу. Не потому что не поняла вопрос наоборот, поняла слишком хорошо. Просто в таких местах слово «готова» всегда звучит с подвохом. Как будто за ним уже стоит то, что отменить нельзя. Медсестра медленно выдохнула, кивнула и чуть плотнее прижала к себе сумку. Готова, сказала она наконец. Спокойно, но без уверенности. Я вставил ключ в замок. Металл скрипнул так, будто его давно никто не открывал, хотя следы говорили обратное. Поворот дался тяжело, словно внутри кто-то держал с другой стороны. Щелчок. И всё. На секунду показалось, что ничего не изменилось. Та же тишина, те же гаражи, тот же серый свет, застрявший между крышами. Но потом изнутри пришёл запах. Тяжёлый, сладковатый, с металлической примесью такой, который не перепутаешь ни с чем. Я почувствовал, как

у медсестры рядом напряглись плечи. Ты тоже это чувствуешь? спросила она шёпотом. Я кивнул, уже не глядя на неё. Потянул ворот чуть сильнее. Дверь поддалась, медленно отъезжая в сторону с глухим скрежетом. Темнота внутри была плотнее, чем снаружи. Не просто отсутствие света будто там свет не задерживался вообще. Я сделал шаг вперёд. И только тогда понял, что внутри кто-то есть. Я остановился на полушаге. Не потому что увидел движение сначала было ощущение. Как будто темнота внутри сдвинулась, не меняя формы, просто признала наше присутствие. Медсестра сзади резко втянула воздух. Там... кто-то есть, сказала она уже не шёпотом, а почти без голоса. Я медленно поднял фонарик. Щелчок и узкий луч света разрезал гаражную тьму. Сначала он упёрся в стену: облупленная штукатурка, пятна сырости, старые следы инструментов. Потом скользнул ниже и остановился. У дальней стены стоял стул. Обычный деревянный стул, будто принесённый сюда специально. А на стуле силуэт. Сидел неподвижно, слегка наклонив голову вперёд, так, что лица не было видно. Руки опущены, плечи расслаблены слишком спокойно для живого человека в таком месте. Медсестра сделала шаг назад. Я... я не вижу, дышит ли он, прошептала она. Я не ответил. Горло пересохло. Луч фонаря дрогнул, и в этот момент силуэт чуть поднял голову. Медленно. Слишком медленно. И свет выхватил лицо бледное, уставшее, знакомое ровно настолько, чтобы внутри всё неприятно сжалось. Я понял, что уже видел его раньше. И

он, похоже, тоже меня узнал. В гараже стало ещё тише, хотя казалось, тише уже некуда. Я почувствовал, как пальцы сами сильнее сжали фонарик. Луч света дрожал, выдавая меня с головой, и я заставил себя остановить движение руки. Медсестра стояла позади, но я почти физически ощущал её напряжение как будто она боялась даже сделать шаг в сторону, чтобы не нарушить какую-то хрупкую границу внутри этого помещения. Силуэт на стуле не двигался. Только голова была чуть приподнята теперь и этого хватало, чтобы ощущение «неживого» начало рассыпаться. Потому что взгляд был осознанный. Он смотрел прямо на меня. Ты всё-таки пришёл, раздался голос. Тихий. Хриплый. Без спешки. Как будто разговор продолжался уже давно, просто я опоздал к началу. Я сглотнул. Кто ты? спросил я, хотя вопрос прозвучал слабее, чем я хотел. Силуэт слегка наклонил голову набок. Странно слышать это от тебя. Медсестра сзади шевельнулась. Вы же его знаете прошептала она мне в спину. Я не ответил сразу. Потому что понимал дело не в том, знаю ли я его сейчас. А в том, что часть меня действительно его помнила. Из другого времени. Из другой версии меня самого. Человек на стуле медленно опустил руки на колени. Ту принес похмелиться, сказал он спокойно. Пока ещё не поздно. И в этот момент я услышал снаружи, за спиной, как УАЗик тихо сигналил.

Глава 4

Я вышел из магазина и холодный воздух ударил в лицо сильнее, чем ожидал. Как будто улица сразу отрезала меня

от любого намёка на привычный мир. Внутри было тихо. Слишком тихо для города. Слова пацана «тракторист умер» всё ещё звучали где-то в голове, но уже не как новость. Скорее как команда, которую я не понял, но почему-то должен выполнить. Я стоял у крыльца магазина с пустыми руками. Водки не было. Не было даже ощущения, что она вообще когда-то здесь должна быть. Медленно повернул голову продавщица всё ещё стояла за прилавком. Улыбка у неё не исчезла. Просто стала другой: шире, ровнее, как маска, которую уже не снимают. Ничего нет, сказала она спокойно, почти ласково. Я кивнул, хотя не спрашивал. Повернулся и пошёл обратно. Ноги действительно не слушались они просто знали маршрут лучше меня. Дорога к гаражам тянулась как старая лента, по которой меня уже однажды прокрутили, и теперь просто ставили заново. Город вокруг начал казаться неправильным. Не в смысле страшным в смысле чужим. Как декорация, в которой забыли выключить свет после съёмки. Где-то сбоку снова появился УАЗик. Он стоял там же, где я его оставил. Но теперь дверь была приоткрыта. И внутри кто-то сидел. Я лежал и какое-то время просто смотрел в потолок. Белый. Слишком белый, как будто его каждый день заново перекрашивали, чтобы он не успевал запомнить следы чужих мыслей. Потом пришло ощущение тела не сразу всё, а кусками: сначала руки, потом тяжесть в груди, потом странная неподвижность запястий. Я дёрнулся. Ткань зашуршала, и стало понятно, что я действительно зафиксирован. Не

грубо аккуратно, даже почти заботливо. От этого было только хуже. Дверь палаты щёлкнула где-то в коридоре. Голоса. Спокойные, обычные, слишком нормальные для того, что происходило со мной раньше. Я попытался вспомнить гараж, УАЗик, магазин и всё это всплывало обрывками, как плохо склеенная плёнка. То ли было, то ли нет. То ли со мной, то ли с кем-то другим. Ну конечно, тихо сказал я в пустоту. Логично. Я даже усмехнулся. Без радости, скорее по инерции. “Сельский врач”, “гаражи”, “тракторист умер” всё это теперь звучало как чужой сон, который мне по ошибке показали вместо моего. И всё же где-то внутри оставалось ощущение, что я не просто “очнулся”. А как будто меня аккуратно положили обратно в правильную версию реальности. Коридор за дверью ожил шагами. Они приближались ровно, без спешки как будто человек заранее знал, что увидит меня именно таким. Я повернул голову к двери и просто стал ждать обхода. Дверь открылась без скрипа слишком аккуратно для места, где обычно всё должно раздражать и давить. Сначала вошла медсестра. Потом врач. Он не спешил. Лицо спокойное, уставшее не от событий, а от повторения одних и тех же случаев. Так смотрят на человека, который уже много раз падал в одну и ту же яму. Он остановился у кровати, пролистал что-то в папке, даже не глядя на меня первые секунды. Потом поднял взгляд. И в этот момент я понял для него я уже не “я”. Я набор признаков, которые он просто сверяет. Как себя чувствуете? спросил он. Я хотел ответить резко, с

сарказмом, но вместо этого вышло только сухое: Нормально. Он кивнул, будто этого и ждал. Пауза. Потом он перевернул страницу. Есть признаки дезориентации сказал он спокойно, обращаясь больше к медсестре, чем ко мне. Эпизоды спутанности сознания. Нарушение восприятия. Жалобы на нереалистичные события. Я чуть дёрнулся. “Нереалистичные события”. Он продолжил, не повышая голоса: Вероятнее всего, алкогольный делирий. Тяжёлое состояние. Острый психоз на фоне абстиненции. Слово “алкогольный” прозвучало буднично, почти технически. Как “повышенная температура” или “ушиб”. Но внутри меня оно ударило точнее любого диагноза. Врач наконец посмотрел прямо на меня: Были галлюцинации. Дезориентация во времени и месте. Возможно, агрессивные эпизоды или блуждание. Он сделал паузу, будто давая мне шанс возразить. Я молчал. Потому что гараж, УАЗик, магазин, пацан у двери всё это вдруг оказалось поставлено в одну папку с его словами. Аккуратно. Без эмоций. Алкогольный делирий, повторил он тише, уже как вывод, а не как предположение. Тяжёлое состояние, но обратимое при лечении. Медсестра что-то отметила в листе. Врач закрыл папку. И в этот момент реальность окончательно стала официальной.

Глава 5

Он пришёл не сразу сначала звук шагов в коридоре, потом пауза у двери, будто человек проверяет не палату, а собственную уверенность. Дверь открылась. Вошёл врач. Тот

же, что был на обходе. Папка в руках уже не выглядела как набор бумаг скорее как окончательная версия решения, которое просто озвучивают вслух. Он посмотрел на меня не долго. Ровно столько, сколько нужно, чтобы убедиться: я здесь, я в сознании, я не спорю с реальностью. Медсестра стояла чуть в стороне, фиксируя взглядом лист. Состояние стабильное, сказал он спокойно, как будто продолжал разговор, начатый много дней назад. Острых проявлений абстинентного делирия не наблюдается. Пауза. Он перелистнул страницу. Диагноз подтверждён: алкогольный делирий в анамнезе. Тяжёлое состояние купировано в стационаре. Я слушал, не перебивая. Даже странно не хотелось спорить. Всё это уже не казалось важным. Врач поднял глаза. Пациент прошёл курс лечения. Рекомендуются длительная ремиссия, наблюдение, полное исключение алкоголя. Он сказал это без нажима. Как техническое условие, а не как мораль. Потом добавил уже другим тоном, более “земным”: По работе... учитывая , предприятие рассматривало увольнение по 33 статье. Я чуть повернул голову. Слово “увольнение” прозвучало даже не страшно. Скорее окончательно. Но, врач сделал короткую паузу, в связи с длительной болезнью и документами из стационара, предложен вариант увольнения по собственному желанию. Он закрыл папку. Формально всё оформлено. Тишина в палате стала плотнее. Я почему-то ждал, что сейчас должно быть что-то важное. Решение, удар, поворот. Но его не было. Только бюрократически чистый

итог. Медсестра отметила что-то в карте. Врач уже почти развернулся к выходу, но остановился на секунду: Жизнь после этого обычно делится на “до” и “после”. Главное не возвращаться к “до”. И вышел. Дверь закрылась мягко. Я остался лежать. И впервые за всё это время почувствовал не страх и не пустоту. А странную тишину, в которой действительно можно было начать заново. Несмотря на страшный диагноз, я был рад, что выбрался. Выздоровел и это слово звучало теперь как что-то твёрдое, почти официальное, как печать в истории болезни. Мир больше не расползлся, не двоился, не подкидывал мне чужие гаражи и чужие голоса. Я поехал в станицу сам. Дорога была обычной, даже скучной. И в этой скуке было что-то непривычно правильное будто жизнь наконец перестала изобретать для меня лишние повороты. Но когда я приехал, всё оказалось проще и тяжелее одновременно. В отделе мне выдали документы. Папка была тонкая. Слишком тонкая для того, что в ней лежало. Увольнение. Без лишних слов, без объяснений просто оформление того, что уже случилось, пока я лежал между белыми стенами и чужими диагнозами. Я стоял с этой папкой в руках и долго не мог понять, почему она ничего не весит, хотя должна была бы тянуть к земле. Потом дали вторую бумагу. Извещение. Развод. Слова в ней были аккуратные, юридически правильные, как и всё остальное в этот день. Никаких эмоций. Никаких пауз. Только факт: семья больше не семья. Я вышел на улицу и сел на лавку у здания, не сразу понимая, что делать даль-

ше. И странное дело внутри не было ни крика, ни провала. Только ощущение, что кто-то очень тщательно закрыл одну дверь, пока я лежал в больнице, и теперь мне не нужно искать ключи. Я остался один. Но впервые это “один” не казалось наказанием. Скорее пустым пространством, в котором ничего больше не мешает начать заново.

Глава 6

Интересный старт, думал я. Даже усмехнулся сам себе без зрителей, без свидетелей. Просто мысль, брошенная в пустоту. И зачем это ему, это я про бога. Зачем так заморачиваться? Сначала гаражи, потом больница, диагноз, увольнение, развод... как будто кто-то не просто вычеркнул старую жизнь, а аккуратно переписал сценарий, не оставив ни одной случайной строчки. Меня обнулили. Чисто, аккуратно, без шума. Я сидел на лавке у здания, держал в руках папку с документами и впервые за долгое время не пытался ничего объяснить самому себе. Потому что объяснения уже закончились. Остались только факты. А факты, как оказалось, не спорят они просто лежат рядом и ждут, что ты с ними будешь делать. Я поднялся. Станица жила своей обычной жизнью кто-то тащил сумки, кто-то ругался у ворот, где-то гудел старый трактор. Всё было грубое, простое, настоящее. И от этого даже легче стало дышать. “Страна советов не даст умереть без работы”, подумал я. И в этой мысли не было ни иронии, ни злости. Скорее понимание устройства мира: тебя можно сломать, можно пересобрать, можно выкинуть из од-

ной жизни... Но всегда найдётся следующая смена. Я сунул документы под мышку и пошёл вдоль улицы. Не быстро, без цели. Просто туда, где меня ещё не знали. Я так давно хотел отдохнуть от всего, собраться с мыслями поэтому сел на поезд и поехал к морю. В вагоне было спокойно. Ровный стук колёс быстро вытеснил из головы всё лишнее: бумаги, больницу, разговоры, решения за меня и без меня. Люди вокруг жили своими тихими историями кто-то читал, кто-то смотрел в окно, кто-то просто дремал, уткнувшись в воротник. Я тоже смотрел в окно. Сначала шли знакомые пейзажи степь, редкие станции, серые здания, которые будто не менялись годами. Потом постепенно воздух за стеклом стал другим: мягче, влажнее, с каким-то обещанием впереди. И чем дальше ехал поезд, тем сильнее внутри появлялось странное чувство не радости даже, а освобождения от ожиданий. Будто я больше никому ничего не должен объяснять. Ни диагнозу. Ни прошлому. Ни тем версиям себя, которые остались где-то позади на разных остановках жизни. Поезд качнуло на повороте, и где-то вдалеке впервые почувствовался запах моря ещё не настоящий, почти выдуманный, но уже близкий. Я откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Впереди была станция, где меня никто не знал. Но то ли в силу забывчивости, то ли из-за того, что Краснодарский край у меня уже как-то автоматически “приравнялся к морю” и перестал считаться чем-то отдельным, я вдруг решил, что этого мне мало. Черное море вроде был морем но не тем, “настоящим”. И я

поехал дальше. На Балтику. Сам себе не мог толком объяснить зачем. Просто внутри появилось странное ощущение: если уж начинать новую жизнь, то почему бы не проверить её на разных берегах. Дорога снова растянулась на дни. Поезд, пересадки, станции, где люди говорили по-другому, воздух становился суше и холоднее, а солнце как будто теряло уверенность в себе. И чем дальше на север, тем тише становилось внутри. Не пусто именно тихо. Как после длинного разговора, когда уже всё сказано и нет смысла спорить. Балтика встретила меня совсем иначе. Сдержанно. Без южной щедрости, без показной теплоты. Серое небо, серое море, серый песок но в этой серости было что-то честное. Ничего не скрывается, ничего не приукрашивается. Я стоял у воды и смотрел, как волны лениво накатывают на берег, будто тоже не особо торопятся что-то доказывать. И вдруг понял простую вещь: если Сочи это “жизнь после перезагрузки”, то Балтика это её рабочий стол. Без иконок. Без ярлыков. Просто система, в которой тебе снова надо как-то существовать. Я усмехнулся. Ну что, сказал я сам себе. Похоже, география у меня теперь вместо психотерапии. И пошёл вдоль берега, где ветер уже не спрашивал, кто ты был раньше. Север есть север — прохладно было, сыро, ветер всё время лез под одежду, будто проверял, насколько ты ещё держишься. Денег на гостиницу не было, и это уже воспринималось не как проблема, а как обычный фон жизни. Поэтому я ночевал где придётся: в лесополосах, на окраинах, иногда просто под

навесами у закрытых зданий, слушая, как город ночью становится чужим и равнодушным. И однажды утром я проснулся с тем самым состоянием, когда голова ещё не решила, кто ты сегодня. Мысли были вязкие, тяжёлые, как мокрый песок. И вдруг всплыло. Остров. И вместе с ним обрывки разговоров, слухи, легенды, что-то про заброшенные склады, про времена СССР, про то, что там будто бы остался “клад”, забытый вместе с эпохой. Мысль зацепилась мгновенно. Не как идея как спасательный крюк. “Вот куда мне надо”, решил я. Купил резиновую лодку. Море было серым, тяжёлым, без привычной романтики. Лодка скрипела, волны били в борт, и каждый раз казалось, что ещё немного и вся эта затея закончится раньше, чем начнётся. остров Большой Тютерс встретил меня не как “остров с легендой”, а как просто кусок камня и леса, забытый временем. Никакой торжественности, никакой загадочной ауры только ветер, ржавчина и ощущение, что сюда давно никто не считает нужным возвращаться. Я вытянул лодку на берег и некоторое время просто сидел, слушая тишину. Потом пошёл внутрь. Остров был странный: местами заброшенные укрепления, старые бетонные конструкции, следы чего-то военного, давно потерявшего смысл. Всё выглядело так, будто история здесь не закончилась она просто вышла покурить и не вернулась. Маяк я увидел не сразу. Он стоял чуть в стороне, но всё ещё упрямо торчащий в небо. Как человек, который давно не нужен, но продолжает дежурить по привычке. Я поднялся наверх. Лестни-

да скрипела, металл был холодный и сырой. С каждым шагом наверх становилось тише, пока не осталось только дыхание и ветер, который бился о стекло наверху башни. Внутри маяка всё было пусто. Я обстучал стены. Нашел нишу и заметил металлический ящик, спрятанный в нише под старым оборудованием. Не сейф именно ящик. Советский, тяжёлый, с выцветшими надписями и следами пломб, которые давно потеряли смысл. Я долго смотрел на него. Не потому что боялся. Потому что такие вещи всегда выглядят как проверка: ты сюда дошёл, а дальше уже твоя ответственность. Потом открыл. Внутри были деньги. Советские купюры, аккуратно сложенные пачками, как будто их кто-то готовил не к трате, а к ожиданию. Бумага пожелтела по краям, но всё ещё держала форму. И в этой старой плотности было что-то странно живое как будто время здесь просто законсервировалось. Я взял одну пачку, потом вторую. И вдруг поймал себя на мысли, что никакого восторга нет. Только спокойствие. Как будто вся дорога больница, увольнение, моря, север, лодка была не хаосом, а маршрутом к этому моменту. Я сел прямо на пол маяка. Посмотрел вниз, на серое море. И тихо сказал сам себе: Ну да... вот теперь, похоже, всё действительно началось. Без расчётов. Без плана. В этом уже была какая-то привычная логика моей новой жизни: если внутри шумит надо просто идти туда, где, кажется, может быть смысл.

Глава 7

Я на земле. Лодку я разобрал, как будто она была частью

сна, который уже не нужен. Резина шуршала под руками, воздух был сырой и холодный, пах водорослями и ржавым железом. Я отнёс её в лес и спрятал между корнями поваленной сосны. Туда, где даже ветер не сразу находит. Ящик с маяка отдельно. Тяжёлый, неудобный, слишком “исторический” для того, чтобы таскать его за собой как чемодан. Я закопал его в сухом месте, под камнями и мхом, так, будто ставил точку в каком-то старом отчёте. А себе оставил только немного пятьсот рублей. Смешная сумма для клада, который звучал как легенда. Но в этой жизни давно уже не цифры решали, а сам факт движения дальше. Я вышел из леса уже другим человеком. Не Робинзон. Не пациент. Не “сельский врач”. Теперь я был... попаданец. И в этой роли, как ни странно, было даже проще дышать. Оставалось только одно понять, какие у меня вообще способности. Я сел на поваленное дерево, посмотрел на руки. Ну давай, сказал я тихо. Просыпайся. Где там твоя магия? Но мир молчал. Лес не дал ни знака, ни вспышки, ни голоса в голове. Только ветер прошёлся по кронам, как будто проверил: действительно ли я серьёзно это сказал. Я попробовал ещё раз внимательнее, глубже, почти с надеждой. И понял неприятную вещь. Иногда “попаданец” это не тот, у кого есть силы. А тот, у кого их ещё только предстоит придумать самому. Я усмехнулся. И пошёл дальше по лесу, потому что в любом случае другого маршрута у меня не было. Что делать и как быть вот этот вопрос и застрял у меня в голове, как заноза, которую не видно,

но она меняет всё движение. Я сидел в лесу, где уже спрятано было почти всё: лодка, прошлое, часть страхов и даже кусок той истории, которую я сам себе рассказывал. И впервые за долгое время не было ни диагноза, ни больницы, ни начальника, который решает за тебя, ни даже “клада”, который можно считать ответом. Только тишина и я. Я попробовал подумать как раньше резко, сразу найти план, цель, смысл. Но ничего не складывалось. Любая большая идея рассыпалась, как только я пытался её удержать. И тогда пришла простая мысль, почти раздражающе простая. Не “что делать с жизнью”. А “что делать сейчас”. Сейчас это холодно. Сейчас я в лесу. Сейчас у меня есть немного денег. Сейчас я живой, и этого почему-то достаточно, чтобы не превращать всё в катастрофу. Я поднялся. И вместо великого ответа выбрал маленькое действие. Выйти из леса. Найти дорогу. Узнать, где ближайший населённый пункт. Поест. Согреться. Разобраться с одним днём, а не со всей судьбой сразу. И в этот момент стало ясно: иногда “не знаю, как быть” это не тупик. Это просто состояние, в котором жизнь перестаёт требовать от тебя финального решения. И впервые за долгое время это не пугало. Я пошёл дальше по тропе, не ускоряясь и не пытаясь стать кем-то особенным. Просто человеком, который идёт в сторону следующего шага. Ночь в лесу стала для меня чем-то вроде нового режима существования. Сон приходил не как отдых, а как провал резкий, короткий, с постоянным ощущением, что ты не до конца выключился. Я просыпался

от ветра, от шорохов, от собственного дыхания, и каждый раз не сразу понимал, где я. Но самое странное началось потом. Я стал записывать сны. Сначала просто обрывки: лица, лестницы, море, какие-то голоса без источника. Потом целые сцены. Иногда они были связаны между собой, иногда нет, но в них появлялась система, которую я не сразу заметил. В одном сне я снова был у маяка. В другом мне отдавали ключ, которого я не видел в реальности. В третьем я стоял на берегу и считал деньги, но купюры были мокрые и не заканчивались. И чем больше я записывал, тем сильнее появлялась странная мысль: а вдруг это не просто сны? Найденный клад почти десять тысяч рублей лежал отдельно, спрятанный и реальный, холодный и конкретный. Его можно было потрогать, пересчитать, спрятать лучше. И от этого он казался даже более подозрительным, чем сны. Я сидел у костра, если это можно было назвать костром просто огонь из веток и случайного мусора, который я нашёл рядом с дорогой. Тетрадь лежала у меня на коленях. Я написал ещё одну строчку: “Если я уже нашёл один клад значит, может быть, есть и второй. Или третий.” И вдруг поймал себя на том, что это уже не мысль о деньгах. Это мысль о системе. Как будто мир не случайный. Как будто он оставляет следы. И я, возможно, просто учусь их читать. И он пришёл долгожданный сон. Не как просто сон, а как будто кто-то аккуратно положил его тебе в голову, как карту, которую ты давно искал. Москва. И не просто Москва а конкретное место, чёткое до

деталей: Доходный дом Павла Ивановича Заварского. Во сне я стоял перед этим зданием так, как стоят не туристы и не случайные прохожие, а те, кто уверен, что пришёл по адресу. Камень фасада был тёплым, хотя вокруг была ночь. Окна тёмные, но не пустые: в них чувствовалось присутствие, как будто дом не спал, а просто не хотел разговаривать.

Глава 8

И я поехал в Москву собрал все вещи в чемодан. На Белорусском вокзале спрятал ценные вещи в камеру хранения и снял квартиру рядом с Потаповским переулком. Я ходил по переулку высматривая дом из сна. Переулок был узкий, старый, с той московской тишиной, в которой каждый шаг звучит как ответ. Я подошёл ближе. И сразу понял странную вещь это место не новое для меня. Не в смысле памяти, а в смысле ощущения: как будто я уже здесь был, просто забыл. Я узнал дом из сна. Дверь оказалась приоткрыта. Я вошёл. Внутри было не страшно и не уютно а правильно. Как будто пространство наконец совпало с чем-то внутри меня. И в этот момент я понял главное: все мои “клады”, леса, моря, острова и сны, это не разные истории. Это один маршрут. И сейчас он просто вывел меня в точку, где нужно что-то найти не в земле и не в ящике. А в самом доме. Москва встретила меня без фанфар просто холодным воздухом и шумом города, который никогда не спрашивает, зачем ты приехал. Эта уже была другой реальностью. После

лесов, моря и северных ночёвок она казалась не столицей, а механизмом большим, точным, равнодушным, но работающим. Доходный дом Павла Ивановича Заварского. И чем ближе подходил к Потаповскому переулку, тем сильнее становилось ощущение, что это не просто поиск клада. Это проверка маршрута, который тянется через всю мою жизнь. Дом стоял спокойно, как будто всегда знал, что его когда-нибудь найдут. Я посмотрел на него и понял: с улицы здесь ничего не решается. Значит, нужно зайти внутрь как “свой”. И я сделал то, что в обычной жизни выглядело бы странно, но в моей уже стало почти логичным решением. Я переоделся. Из того, кто “ищет смысл”, я стал работником газового хозяйства. Старый комбинезон, инструмент, уверенная походка человека, у которого “плановый осмотр”. Люди в таких ролях не вызывают вопросов. Они просто есть и делают своё дело. Я вошёл в подъезд. Там пахло старым камнем, пылью и временем, которое давно не проветривали. Я поднимался по лестнице, считая этажи не глазами, а ощущением: где проходят коммуникации, где могут быть шахты, где здания “дышат”. Вентиляционные шахты оказались там, где я и ожидал в технических зонах, за служебными дверями, в местах, куда обычно не смотрят. Я открывал их спокойно, одну за другой. Металл холодный, темнота внутри плотная, как закрытая глава. И на одной из проверок я увидел то, что искал. Два старых шерстяных чулка. Не случайно брошенные спрятанные. Тяжёлые, аккуратно уложенные, как будто кто-то не

просто скрывал ценности, а оставлял их “на потом”, в надежде, что это “потом” всё-таки наступит. Я достал их медленно. И в этот момент понял странную вещь: руки не дрожали. Не было ни восторга, ни шока. Только спокойное подтверждение того, что маршрут снова сработал. Я сел прямо в техническом помещении, прислонившись к стене. И тихо сказал сам себе: Ну да... значит, всё это было не просто сны. А просто ещё одна точка, после которой начинается следующий уровень дороги. Я сидел в техническом помещении ещё несколько минут, слушая, как здание “дышит” вентиляцией ровно, размеренно, будто ничего особенного не произошло. Но теперь всё изменилось. Не снаружи внутри. Я аккуратно закрыл шахту, вернул решётку на место и поднялся. В коридоре дома всё было так же: тишина, старый запах, редкие шаги где-то далеко. Никто не задавал вопросов. Я всё ещё был “работником газового хозяйства”, и это оказалось идеальной маской настолько обычной, что почти невидимой. Но стоило выйти на улицу, как реальность снова слегка “поплыла”. Москва не изменилась. Она жила своей жизнью спешащей, равнодушной, уверенной в себе. А я шёл по Потаповскому переулку и понимал: теперь у меня есть не просто деньги или клад. У меня есть повторяемость. Если один раз получилось значит, это не случайность. И вот это было опаснее всего. Я остановился у выхода из переулка, закурил (хотя раньше вроде бы не планировал), и посмотрел на город так, будто впервые видел не здания, а их “внутренности”. Вен-

тиляции. Подвалы. Шахты. Пустоты. Всё, что обычно никто не замечает. И в этой тишине появилась мысль спокойная, почти техническая: если система существует, значит у неё есть не только тайники... но и следующий уровень доступа. Я усмехнулся. Ладно, сказал я сам себе. Посмотрим, куда ты меня дальше пустишь. Квартира в Москве была обычной настолько обычной, что в этом даже чувствовалось облегчение. Никаких маяков, лесов, шахт и легенд. Просто стены, потолок, кухонный стол и окно, через которое город продолжал жить своей бесконечной жизнью. Город за окном не интересовался тем, что ты нашёл или потерял. Ей было всё равно, сколько у тебя чулков с деньгами, сколько дорог ты прошёл и сколько раз “перезагрузился”. И именно это стало самым тяжёлым. Я сел на край дивана и почувствовал усталость, которая наконец догнала меня без опоздания. Не резкую а накопленную. Та, что не ломает, а просто выключает внутренний мотор. Руки лежали спокойно, но в них будто осталась память обо всём: о лодке, о холодной воде, о лесных ночёвках, о вентиляционных шахтах, о бесконечных решениях “идти дальше”. Голова была тяжёлой не от мыслей, а от их количества, которые больше не хотели строиться в историю. Я даже не пытался их удерживать. Просто сидел. И впервые за долгое время не было ощущения, что нужно куда-то идти, что-то искать или что-то доказывать. Только тишина квартиры и редкий шум города за окном. Я снял обувь, не торопясь, как человек, который больше не бежит. И поймал се-

бя на простой вещи: усталость это, не когда ты больше не можешь. А когда тебе впервые не хочется превращать жизнь в маршрут. Я лёг. И потолок над головой оказался самым стабильным объектом во всей моей истории. Ты лежишь в московской квартире, и это первый момент за долгое время, где ничего не двигается само по себе. Moscow за окном шумит как обычно машины, голоса, случайные жизни. А внутри у тебя тишина, которая уже не про спокойствие, а про перегрузку. Два клада в голове сидят не как “богатство”, а как две незакрытые вкладки. Первый факт: ты нашёл. Это реально, это можно потрогать, это меняет твою биографию. Второй мысль: если нашёл два, значит это не случайность. И вот между ними начинается самое сложное состояние. Не радость. Не страх. А зависание. Как будто мозг всё ещё ждёт продолжения маршрута: лес → море → север → остров → маяк → Москва → шахты → чулки. И теперь он не понимает, куда дальше, потому что логика “идти искать” уже сработала дважды и требует продолжения, как привычный алгоритм. Но тело другое. Тело устало. Оно хочет не следующего уровня, а паузы без смысла. Ты лежишь и чувствуешь сразу две силы: Одна говорит: дальше есть ещё. Вторая отвечает: если дальше есть ещё, я не выведу в таком режиме. И это и есть твоя точка сейчас. Не “что делать с кладом”. А “что делать с собой, который научился всё превращать в поисковую миссию”. И впервые вопрос звучит не как приключение. А как необходимость остановить автоматический по-

иск. Ты не обязан прямо сейчас решать, куда идти дальше. Но ты уже точно видишь главное: если каждый ответ становится началом новой дороги значит, пора научиться просто жить в одной точке, не превращая её в квест. Я лежу в московской квартире и чувствую, как всё внутри будто одновременно опустело и перегрелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.